

Глава 89. Поцелуй

Пропитанный вином Цзян Тан никак не мог усидеть спокойно. В объятиях Фу Линцзюня его всё время качало и клонило то в одну, то в другую сторону. Даже когда ему удерживали руки и голову, у него оставались ещё две ноги. Белоснежная ступня вела себя особенно неприлично: всё время пиналась, цепляясь за чёрную одежду Фу Линцзюня.

Ни малейшего страха перед его угрозой.

И только когда тот вдруг наклонился и впился ему зубами в шею, лёгкая боль заставила Цзян Тана попытаться отпрянуть.

— Мм... больно... — до слёз обиженно выдохнул он. Длинные ресницы дрогнули, и в прозрачных, как драгоценные камни, глазах заблестела влага.

Но попытка смягчить противника слабостью ни к чему не привела.

Наоборот, мелкие кусачие поцелуи поднимались всё выше, от шеи к уху, пока холодная мочка не покраснела от его зубов.

Под конец он кусал уже не так сильно, а мягче, даже чуть пососал налившуюся жаром мочку и только потом отпустил её.

Выпущенное из тёплой влажной ловушки ухо горело так, будто его обдали огнём.

Со всем телом Цзян Тана творилось что-то странное. Будто из Фу Линцзюня просачивалась духовная сила молнии, и мелкие дуги пробегали по его коже.

— Ты... нельзя... — он дёрнулся, пытаясь вырваться.

Но разница в силе была слишком велика, и освободиться он не мог.

Раз уж силой пробиться не получалось, маленький пёс пошёл по пути угроз. Показав белые зубы, он свирепо зарычал:

— Не смей... кусать!

Фу Линцзюнь коснулся губами его носа и тихо рассмеялся:

— Укусил. И что дальше?

И тут же прихватил зубами ещё и аккуратный нос.

Цзян Тан разозлился до того, что ему стало совсем обидно. Только что ведь главным нападающим был он, так почему теперь его самого загнали в оборону? Всё из-за жульничества: Фу Линцзюнь удержал ему руки, вот его боевая мощь и упала почти до нуля.

— Ты... перегибаешь! — он щёлкнул зубами в воздухе раз, другой, третий. Раз уж до человека не дотянуться, остаётся хотя бы скрипеть зубами.

Это и правда выглядело и смешно, и мило одновременно, так что Фу Линцзюню захотелось ещё больше его подразнить. Он нарочно наклонился и поцеловал его в глаза. Цзян Тан с перепугу тут же зажмурился, и в ту же секунду по его веку скользнул язык.

Влажно, щекотно, с лёгким электрическим трепетом.

Цзян Тан весь напрягся и так и сидел с плотно зажмуренными глазами, пока Фу Линцзюнь не отстранился. Только тогда он осмелился снова открыть их.

— Ты... ты... — он чувствовал, что в этой битве проиграл подчистую, и от этого его переполняли и злость, и обида. — Ты... домогаешься!

О собственных домогательствах он, разумеется, даже не задумался.

Маленький пёс тут же воинственно пошёл в атаку:

— Если такой смелый... отпусти меня... и давай... один на один!

Обе его руки Фу Линцзюнь по-прежнему держал одной ладонью. Сжимал не сильно, но как Цзян Тан ни вырывался, освободиться всё равно не мог.

Фу Линцзюнь посмотрел на эти две схваченные руки — маленькие, мягкие, белые.

И даже погладил их.

В глазах Цзян Тана вспыхнул настоящий пожар. И тут ему в голову внезапно пришла какая-то чрезвычайно важная мысль. Он чуть приподнял подбородок, и в его взгляде одновременно отразились три части усмешки, три части ледяного высокомерия и четыре части беспечной небрежности:

— Мужчина... ты играешь... с огнём!

В этот миг в нём во весь рост восстал дух властного гендиректора. Фу Линцзюнь перед ним вдруг превратился в маленького лиса-искусителя, который всеми силами пытается завладеть его вниманием. Эту игру в «притяни и отпусти» Цзян Тан, конечно же, видел тысячу раз.

— Если ты... хочешь... привлечь... моё внимание... я скажу тебе... это удалось!

— Не смей... легко... задевать... мою нижнюю... черту!

Договорив до этого места, Цзян Тан вдруг икнул и совершенно поплыл от хмеля. Потряс головой, собираясь продолжить.

Фу Линцзюнь вообще не понимал, что за бессмыслица творится в этой маленькой пьяной голове.

Он лишь видел, что Цзян Тан несёт какой-то бессвязный вздор, шумит без остановки и доводит его до головной боли. Поэтому просто отпустил ему руки.

Наклонился ближе.

И клюнул в эти не умолкающие губы.

— Тише.

Всё вокруг мгновенно стихло.

Ливень накрыл собою весь мир. Дождь дробно стучал по земле и оконным переплёткам, ветер

вместе с каплями раскачивал бамбук за окном, и тот шуршал, шелестел, словно живая завеса. В обители Десяти Сторон царила тишина, во дворе тоже не было ни звука, и даже слабое потрескивание свечи, горевшей всю ночь, вдруг стало отчётливо слышно.

Поцелованный в губы щенок в один миг потерял весь свой боевой запал.

Он моргнул раз, другой, потом ещё раз. Лицо напротив было таким бледным и красивым, что у него от одного взгляда пересохло в горле, и он невольно сглотнул.

Пламя свечи прыгало по резким линиям лица Фу Линцзюня и падало в его тёмные глаза. В этом мерцании Цзян Тан вдруг почувствовал себя утопающим в звёздной реке: бесчисленные звёзды тянули его вниз, всё глубже и глубже, к падению и одновременно к расцвету.

Освобождённые руки сами собой переплелись друг с другом. Он облизнул губы и с явной жадностью посмотрел на Фу Линцзюня.

То сильное чувство, что распускалось у него в сердце, было как фейерверк, который они однажды смотрели с башни Шаньхай. Яркое, горячее, ослепительное.

Неизвестно откуда в нём взялась эта отвага, но Цзян Тан вдруг обеими руками ухватился за ворот Фу Линцзюня, глубоко вдохнул и резко подался вперёд.

Губами он лишь скользнул по его подбородку. От силы собственного наскока больно ударился и поморщился.

Не попал.

— Мм... — боль на миг остановила его, и он жалобно лизнул ушибленное место. Но уже в следующую секунду снова воодушевился и храбро полез кусать Фу Линцзюня прямо в губы.

Атака вышла грубой и нетерпеливой, но, добравшись до цели, он внезапно застыл, просто прижавшись к нему и не двигаясь. Так и сидел, задержав дыхание: лоб к лбу, губы к губам. Потом понял, что задыхается, украдкой вдохнул и, наклонив голову чуть вбок, снова прилип.

Хотя поцелуй у него получался совсем неумелым, Цзян Тан искренне считал, что старается изо всех сил. Он сменил три разных угла, так что шея уже заныла, и только после этого, устав, великодушно объявил:

— Ты... мой!

Словно только что своим неуклюжим поцелуем поставил на Фу Линцзюне личную печать.

Фу Линцзюнь усмехнулся.

Вдруг ему вспомнилось, как на утёсе Жисы тот дерзкий маленький комочек, едва впервые приняв человеческий облик, так же бесхитростно грыз его без всякого толку.

Он поднял руку, поддержал тонкую шею юноши и длинными пальцами легко провёл по ней, разминая:

— Разве я тебя не учил?

Цзян Тану от этой улыбки совсем поплыло в голове.

И без того демонически красивое лицо Фу Линцзюня, когда он улыбался, становилось просто смертельным. У Цзян Тана от одного вида всё внутри шло ходуном.

— Чему... учил? — сознание, насквозь пропитанное хмелем, теперь окончательно утонуло в красоте, и глаза его стали совсем мутными.

Фу Линцзюнь поддержал его затылок и заставил чуть поднять лицо.

— Целоваться.

И в следующее мгновение прижался к его губам.

Без пробных касаний. Без сомнений. Прямо, открыто, властно вошёл в его мир.

В мире Цзян Тана ещё оставался сладкий привкус вина, и даже каждый выдох пах фруктами.

Фу Линцзюнь не позволил ему отступить и начал отнимать у него дыхание: так, чтобы тот, кто совсем недавно неловко давился воздухом, наконец понял, что такое настоящий поцелуй.

Сердцебиение и дыхание переплелись.

Тук. Тук. В груди всё радостно било крыльями.

Поцелуй Фу Линцзюня был жадным, захватническим, словно он хотел растворить Цзян Тана целиком в этом сладком, винном месте. Цзян Тан размяк до предела, медленно закрыл глаза, и в следующую секунду его втянуло в тайный, удивительный и прекрасный мир.

В этом мире он когда-то уже бывал, просто потом забыл дорогу назад.

На этом великолепном балу его танцор уже давно ждал только его. Стоило ему появиться, как тот сразу взял его за руку и увлёк на середину зала.

Обнял его и повёл с одного конца танцевального круга к другому.

Тук. Тук. Весёлый ритм бил всё сильнее, делая этот танец всё горячее. Пропитанный жаром аромат вина растекался вокруг, и у всех в зале кружилась голова.

Партнёр был мягок и силен, уверенно удерживал его. Но спустя какое-то время Цзян Тан устал и захотел передохнуть, а тот вдруг перестал быть таким мягким, как вначале. Он всё настойчивее преследовал, всё теснее переплетал их движения, шаг за шагом захватывая мир, который прежде ему не принадлежал.

Лицо Цзян Тана покраснелось, в голове шумело. Он просил танцора позволить ему немного отдохнуть. Тот на миг ослабил хватку, Цзян Тан успел только вдохнуть, и в следующую секунду его снова втянули в танец.

Аромат свежего снега окутал его полностью.

Холодный снег с вершины горы наконец опустился на кончики пальцев юноши и медленно растаял на них водой.

Хотя пожар в этой битве первым развёл сам Цзян Тан, теперь ему уже хотелось отступить.

Голова тяжелела, всё тело размякло, и он, упираясь обеими руками Фу Линцзюню в плечи,

прерывисто выдохнул:

— П-подожди...

Фу Линцзюнь медленно открыл глаза. В чёрных зрачках горело одно лишь желание. Он отпустил его губы, а затем поцеловал в лоб, во влажный уголок глаза, в длинные ресницы и кончик носа, чуть влажный от пота. Прижался лбом ко лбу, потёрся о него и снова накрыл его губы.

Долго, неторопливо, возвращаясь раз за разом.

Щека к щеке, висок к виску.

В конце концов Цзян Тан просто отключился.

Он и без того был пьян, а Фу Линцзюнь ещё долго его мучил. И вот: целовал-целовал, а человек у него на руках взял да уснул. Фу Линцзюнь только покачал головой, улыбнулся и уложил это изнемогшее маленькое создание на кровать.

* * *

— Чив-чив-чив...

Несколько кругленьких жёлтых пташек уселись за окном на зелёном бамбуке. После ночного дождя мир словно вымыли дочиста, и весь двор наполнился свежим запахом сырой земли.

Влага была лучшим украшением для растений: зелень становилась ещё гуще, а красные цветы — ещё ярче.

Когда Цзян Тан проснулся, голова у него раскалывалась.

Состояние было ровно такое, как после тяжёлого похмелья. Даже хуже: голова налита свинцом, поднять её невозможно, так и хочется навсегда прирасти к подушке.

Он медленно открыл глаза. Всё тело было ватным и бессильным. И стоило ему кое-как выбраться из этой тяжёлой дремоты, как в голове вдруг один за другим вспыхнули несколько совсем уж неподобающих эпизодов.

Шумный трактир: в одной руке у него чаша, другой он с царским видом указывает на Фу Линцзюня, требуя, чтобы тот пил с ним.

Под проливным дождём под карнизом он валяется в истерике и требует, чтобы Фу Линцзюнь нёс его на спине.

Раздетый наполовину, сидит на кровати и упрямо канючит, чтобы Фу Линцзюнь помог ему переодеться.

Силой обвивает его шею руками, а горячее винное дыхание касается уха Фу Линцзюня.

А потом он ещё и совершенно бесстыдно начинает его кусать — сверху вниз, без всякого порядка...

Весь хмель в одно мгновение выветрился из головы Цзян Тана.

Постойте. Если он только что ничего не перепутал, то после этих картин были ведь ещё и вещи куда хуже...

О-он ведь, кажется, ещё и поцеловал Фу Линцзюня?!

Цзян Тан украдкой потрогал свои губы. Сам он не понял, то ли ему мерещится, то ли нет, но губы у него и правда казались немного припухшими, а горло чуть охрипшим...

Нет, нельзя. О чём он вообще думает? Ему мало тех непристойных снов, которые и так снились?

И тут ладонь, лежавшая у него на талии, вдруг стала казаться нестерпимо горячей.

Цзян Тан весь напрягся и, преодолевая слабость, попытался осторожно убрать эту руку. Но движение вышло таким маленьким, что в следующий миг Фу Линцзюнь тоже проснулся.

Цзян Тан окаменел всем телом.

Он неловко посмотрел на Фу Линцзюня. Очень хотелось спросить, были ли сцены, мелькавшие у него в памяти, на самом деле или всё это ему приснилось. Но такие слова казались слишком постыдными, чтобы выговорить их вслух.

Поэтому он спросил иначе:

— Мы... просто... выпили, да? — осторожно, очень осторожно.

Фу Линцзюнь протянул руку и снова притянул его к себе, голос у него ещё был сонным:

— Хочешь откреститься?

<http://bllate.org/book/17032/1653736>